

Имя

Инна ЛИСНЯНСКАЯ

В наши дни, когда прилагательное девальвировалось прежде и быстрой рубля, я не хочу никакого эпитета рядом с именем: Белла Ахмадулина. Я могу соединить это имя с помощью знака равенства только с одним именем: поэт. Белла Ахмадулина — поэт. На мой слух любой эпитет к этому слову ослабляет его богоданный смысл.

"Звук указующий" — так озаглавила Белла Ахмадулина книгу стихов по одноименному стихотворению 1983 года и тем самым определила само вещество своей поэзии. Поэт от поэта в первую очередь отличается музыкой, присущей исключительно ему. И звук указующий подсказал Ахмадулиной все — ни на кого не похожий ритм, неожиданную синтаксическую прелесть и многострельчатую, но ненавязчивую мысль.

Волемизм явлению звука указующего подчинена и проза Беллы Ахмадулиной: эссе, воспоминания, рассказы. Эту же музыку я слышала и в ее повседневных разговорах и попытках в своем стихотворении 80-го года охарактеризовать ее письменную и устную речь одной строкой: "И соловьиная Белла звенит к зиме".

Литературный развез

Культура, — 1997 — 10 апр. — с. 7.

Наслаждения в Куоккале

(фрагменты поэмы)

"Ты ему: ближе к делу, а он — про козу белу" (поговорка)

I. Синяя арка

Когда Коротков арку возводил (детдом ему отец, а мать — лих), мне арка цветит как действа светил навзлянула имя Метерлинка.

С Коротковым нас коротко село родство и сходство наших рукоделий, и, без утайки, каждый про свое, мои толковали на задах котельной.

Я посылала лампу и спала, диктант нездешний записав в тетрадке. Откуда бы ни доносились слова, я их сохла найдем синей арки.

...С утра Коротков, отрицающий власть, схватился с бригадиром-моралистом. Туманность и распалась связь строения с непричастным Метерлинком.

Мы оба были с ним посрамлены. Чурался букв стропильные страныцы. Коротков красил синим валуны — со зла, иль в честь недостижимой птицы.

Пока на арку трапичалась казна и брег залива становился синим, в игру вступали флейта и роль — в том доме обитали музыканты.

Заслышав их, являлась мысль уму: мираж не затрунителен мне, так ли? Разъятому и сирому всему не в тягость будут своды синей арки.

И, может быть, немало беспритворств уместится под призрачным покровом. Леро воспитет, звуки воспуют, перо озарится измысленным новым.

Быль остов арки бледен и раним, чем умилял смеющую окрестность. Пока, пожалуй, только Метерлинк решился заглянуть в ее отверстие.

Пока Коротков занят был трудом, я шла гулять. Уже залива всплески твердели. Рядом громоздился дом — ровесник, ктати, знаменитый пьеси.

Синей синиц не обитало птиц поблизости. Но птица: флюгер-символ, посевщица на деревнянй шип, прощивалова, отливая синим.

В осьмом году построен для усад, охочий до гостей и фейерверков, дом-старец превратился в детский сад, эпохи знег стерев и опровергнув.

В былые дни — какие кружева вверх-вниз неслись по лестничным парадным? Какая жизнь предсмертно здесь жила при играх брызга с флюгером пернатым?

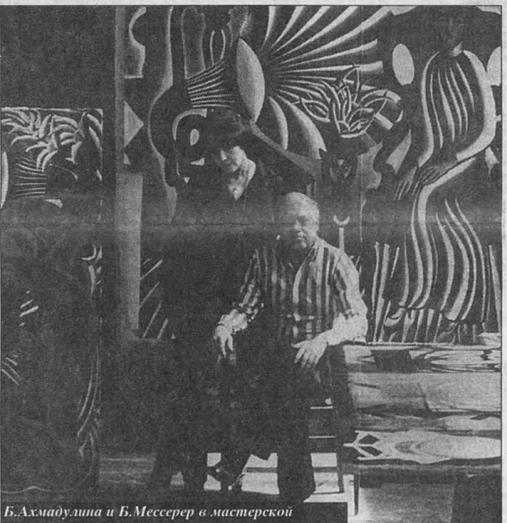
Залив держал Кронштадт над синевой. Цвела витражных стекол филигранность. Пил кофе на террасе Сапунова, вечны-гуци не остерегаешь.

Еще четыре года у него до дня, когда Блок отвечал так строго. Пока ладью во мглу не унесло, четыре года — как огромно много.

Я жадно озирала скромный миг, чьи продолженья скрыты и незрими, на что и намекла не напряжким дом, обращенный в бедные руины.

Стыль детский сад, покинутый детьми. В угодах, слез наследством населенных, Фирс-Насорк брез слез беспризорной тьмы — изгой-избранник алья носолаток.

Я удивлялась прибыли тоски, игрушку позабытую всего лишь заметив (здесь, в строке, — укус осы и перерыв, оброненный совочек).

Б.Ахмадулина и В.Мессерер в мастерской

Случилось, как хотели вы

Анатолий НАЙМАН

Из тех, кто, думая об Ахмадулиной, чувствует к ней влечение, род недуга. Это не мешает мне смотреть на нее трезвым взглядом. И, глядя так, я испытываю радость всякий раз, когда в глаза бросается что-то, что не только дает оправдание, но и привлекает привязанности. И такого в ней всегда немало больше, чем сколько ты, даже зная, что встречаешься с "Беллой Ахмадулиной", от которой этого лишь и ждешь, рассчитывая найти. Если угодно, эффект ожданного сюрприза.

“Смушаюсь и робею пред листом”...

Эта строчка начинается стихотворение семнадцатилетней Беллы Ахмадулиной, которое открывает ее юбилейный четырехтомник. Проект осуществлен благотворительным фондом "Русский Дом Детства" при финансовой поддержке Альфа-Банка совместно с издательством ГИАН.

Это замечательный подарок не только ко дню рождения поэта — все, кому дорого творчество Беллы Ахмадулиной, без сомнения, с радостью станут обладателями этих книг. Впервые предпринята попытка собрать воедино произведения Беллы Ахмадулиной, написанные за несколько десятилетий литературной деятельности. Огромную работу, в результате которой четырехтомник увидел свет, проделал Борис Мессерер. "Моей задачей было отыскать массу вещей, представляющих на мой взгляд, большую ценность", — рассказывает Борис Асафьевич. — Это и посвящения друзьям, написанные на книгах, автографы, это записки. Я один знал, у кого все это находится, разложил, сделал сверстки. Это и все переводы, "похоронные" в толстых журналах, зачастую пере-

феррийных, большинство из которых никогда не перепечатывалось. Совместно с Олегом Грушниковым (он же автор комментариев к каждому тому) уточнили все цитаты, сняли разночтения. Около трех лет длилась работа, которая очень увлекала меня". По всей вероятности, никто и никогда, кроме Мессерера, не смог бы свести в единое издание все эти материалы, они не должны были быть потеряны. Однако это не полное собрание сочинений, многое осталось за скобками.

Тем не менее читателям предоставлена возможность познакомиться с огромным пластом творчества Беллы Ахмадулиной. Тексты распределены по тематическому и хронологическому принципам. В 1-й том вошли стихотворения (1954 — 1979); переводы из грузинской поэзии; художественная проза. 2-й том составили стихотворения (1980 — 1996); переводы; воспоминания. 3-й том включает поэмы; поэтические посвящения и давственные надписи; стихи детей; переводы из европейской поэзии; раздел "Поэт о поэте"; статьи и выступления; предисловия к авторским сборникам, журнальным и газетным публикациям, грампластинкам; рецензии; "Посвящения дамам и господам"... 4-й том представляет собой альбом с фотографиями разных лет самой Ахмадулиной, ее друзей, выдающихся деятелей отечественной и мировой культуры. Макет четырехтомника выполнен Александром Коноплевым. В оформлении использованы рисунки Бориса Мессерера "Граммодоны", который имеет определенный символический смысл еще со времен "Метрополя". Каждый том оформлен суперобложкой с фотоportретом Беллы Ахмадулиной. Все четыре шестисторонних книги помещены в изящную упаковку. Принципиальная идея Бориса Мессерера заключалась в том, чтобы не развешивать тексты стихов в первых трех томах рисунками и фотографиями, дабы не отвлекать читателя от поэтических образов. Ряд произведений Беллы Ахмадулиной публикуется в четырехтомнике впервые. Одним словом, можно позавидовать тем, кто станет обладателем этого прекрасного издания.

Белла Ахмадулина. Сочинения. Том I

Имя

Вопрос для меня по смыслу неожиданный, но он очаровал меня неожиданностью интонации, а главное — музыкальностью, усиленной двумя сцепившимися "ц", я услышал не стихослагателя, а поэта. Не мною первым замечено, что истинность поэтического дара определяется прежде всего не новизной содержания, а неповторимостью музыки. Различие, скажем, между Фетом и Некрасовым заключается не в их политической направленности, как считали критики тех лет, а в мугучей несхожести музыки.

На подмостках после дождя переводы с грузинского. Не зная языка подлинника, я не мог судить о близости к нему перевода, но строки лились так свободно, нежно, как будто грузинский поэт родился русским.

Скоро я узнал, что в ту пору поручею секции поэтов относился к Белле Ахмадулиной, мягко говоря, отрицательно, поэтому и обратилась Белла с просьбой о вступлении в Союз писателей к секции переводчиков, менее престижной, чем стихотворная, но более образованной.

Инокентий Анненский сказал о струнах скрипки: "И было мукою для них, что людям музыка казалась, Ахмадулина себя чувствует

Osobyy svet

Евгений ПОПОВ

Именно высокую честь и осознанную радость говорить о Белле Ахатовне Ахмадулиной. Задача сложная — с одной стороны, не впасть в развязность, с другой — не раствориться в ауру ее уникальной личности.

Личное наше знакомство состоялось осенью 1978 года при таинственных обстоятельствах, когда в однокомнатной квартирке покойной Евгении Семеновны Гинзбург, матери Василия Аксенова, группа будущих товарищей (в русском, а не советском смысле этого sacramentalного слова) ладила альманах "Метрополь", ставший причиной скандалов и гонений, с одной стороны, а с другой — познакомивший и поддруживший нас, как Москва в одноименной песне прошлых лет.

— Здравствуйте, Белла Ахатовна, — серьезно сказал я, открывая дверь, но предварительное посмотрев с целью конспирации в глазок.

— Здравствуйте, Евгений Анатольевич, — серьезно ответила Белла Ахатовна и, предварительное помотрев на меня с целью изучения, вдруг неожиданно добавила: — Может, сразу перейдем на "ты"? Я чувствую — впереди много еще будет приключений, так что — чего уж там...

Тут она, как практически во всем другом, была решительно права — приключений оказалось даже более чем достаточно: отъезды, обески, стихи, путешествия, разбитый железнодорожный шлагбаум и наша со Светланой свадьба в паределькинской провинциальной "стекляшке", на которой Белла Ахатовна была свидетельницей ("со стороны жениха"), "западные корреспонденции", "Голос Америки", "перестройка", "демократизация" и смерти, смерти, смерти. Близких и друзей. Разрушение квадратуры неведомого круга, в котором живут и выживают люди.

Жизнь эта яркая ли приснилась нам, как бы этого иногда ни хотелось, все это было и, возможно, просит подробного описания, а возможно, и нет. Память самодостаточна, и остается лишь то, чему ПОЛОЖЕНО остаться вне прямой зависимости от его реальной значимости. Ибо с одной стороны, в мире много несправедливого, а с другой — кто может внять на себя смелость определить эту самую "значимость": жеста, поступка, события, лица?

Особый свет падает на то и тех, с чем и кем соприкасается Белла Ахмадулина в жизни и литературе. Жизнь и литература изначально сопряжены ею в одно целое, вот почему описание сибирского ночного костра и так называемых "русских людей" в ее ранней прозе для меня не менее важно, чем ее блистательные и робкое повествование о встрече с нуру Набоковым в далеком от Сибири и Москвы швейцарском городе Монтере, строки о Пастернаке, Ахатовой, Цветаевой.

Отсюда и ее уникальная способность (впопреки распространеному стремлению к так называемой простоте, которая "уже воровства") и о простом, и о сложном говорить всегда сложно, то

Особый свет

Евгений ПОПОВ

струнами скрипки, для бытовой стороны ее жизни музыка — лишняя, потому что причиняет ей боль.

Что — музыка? Зачем? Я не искал бы музыки. Я ее слышал уже и все превосходно. Но быть живым немоч при этом лишнее знание. О мука мук моих, о мука мук моих. Мысль о том, что музыка эта мука мук поэты, обладает такой пронзительной болью, что, только успокоившись, при повторном чтении замечается странность ритмы "превозмогла = моя" (хотя дважды сказанное "мо" не случайно).

Наш автор понял рано, что вечный двигатель стиха — ясность, а не звучие. Вот строка, где, между прочим, перенос так непохож на переносы Цветаевой или Бродского:

Случилось так, что двадцати семи лет от роду мне выпала отрада жить в замкнутости дома и семьи, Расширенной прекрасным кругом сада.

Я стала вдруг здорова, как трава, Чиста душой, как прочие растения. Не более умиа, чем деревья. Не более жажда, чем дожденья. В этом стихотворении скрытно, но сильно чувство удаления от греха обывательной жизни и стремления к Создательской жизни безгрешной, как до рождения.

У Ахмадулиной мне близко понимание слова как синимона То го, Кто созидает, тем самым пририает наваждение зла — хаоса. Когда приходит слово,

Оно в устах звучит бездьявольство, Отвешный выдох — слышимый и велик. Лишь слово пощипает бред и хаос. И смертныи о бессмертье говорит. Если слагающий стихи — поэт, то мы, смертные, только потому ждем от него слова, что оно говорит нам о бессмертии.

Семен ЛИПКИН

Иногда в суровую зимнюю пору бюро секции переводчиков, в котором я числился, поручило мне ознакомиться с поэтами, пожаловавшими вступить в Союз писателей, после чего доложить на заседании бюро свое мнение о качестве услышанного.

На подмошки подналось тоненькое юное создание и сразу очаровало строкой:

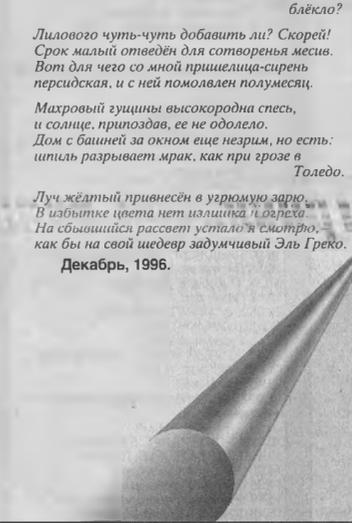
Ты знаешь, как колышут птиц?

Вопрос для меня по смыслу неожиданный, но он очаровал меня неожиданностью интонации, а главное — музыкальностью, усиленной двумя сцепившимися "ц", я услышал не стихослагателя, а поэта. Не мною первым замечено, что истинность поэтического дара определяется прежде всего не новизной содержания, а неповторимостью музыки. Различие, скажем, между Фетом и Некрасовым заключается не в их политической направленности, как считали критики тех лет, а в мугучей несхожести музыки.

На подмостках после дождя переводы с грузинского. Не зная языка подлинника, я не мог судить о близости к нему перевода, но строки лились так свободно, нежно, как будто грузинский поэт родился русским.

Скоро я узнал, что в ту пору поручею секции поэтов относился к Белле Ахмадулиной, мягко говоря, отрицательно, поэтому и обратилась Белла с просьбой о вступлении в Союз писателей к секции переводчиков, менее престижной, чем стихотворная, но более образованной.

Инокентий Анненский сказал о струнах скрипки: "И было мукою для них, что людям музыка казалась, Ахмадулина себя чувствует

Б.Ахмадулина и В.Мессерер

М.Аксенова, Б.Ахмадулина, В.Аксенов, В.Мессерер. 1982 г.

Мучительность музыки

Семен ЛИПКИН

Иногда в суровую зимнюю пору бюро секции переводчиков, в котором я числился, поручило мне ознакомиться с поэтами, пожаловавшими вступить в Союз писателей, после чего доложить на заседании бюро свое мнение о качестве услышанного.

На подмошки подналось тоненькое юное создание и сразу очаровало строкой:

Ты знаешь, как колышут птиц?

Вопрос для меня по смыслу неожиданный, но он очаровал меня неожиданностью интонации, а главное — музыкальностью, усиленной двумя сцепившимися "ц", я услышал не стихослагателя, а поэта. Не мною первым замечено, что истинность поэтического дара определяется прежде всего не новизной содержания, а неповторимостью музыки. Различие, скажем, между Фетом и Некрасовым заключается не в их политической направленности, как считали критики тех лет, а в мугучей несхожести музыки.

На подмостках после дождя переводы с грузинского. Не зная языка подлинника, я не мог судить о близости к нему перевода, но строки лились так свободно, нежно, как будто грузинский поэт родился русским.

Скоро я узнал, что в ту пору поручею секции поэтов относился к Белле Ахмадулиной, мягко говоря, отрицательно, поэтому и обратилась Белла с просьбой о вступлении в Союз писателей к секции переводчиков, менее престижной, чем стихотворная, но более образованной.

Инокентий Анненский сказал о струнах скрипки: "И было мукою для них, что людям музыка казалась, Ахмадулина себя чувствует

струнами скрипки, для бытовой стороны ее жизни музыка — лишняя, потому что причиняет ей боль.

Что — музыка? Зачем? Я не искал бы музыки. Я ее слышал уже и все превосходно. Но быть живым немоч при этом лишнее знание. О мука мук моих, о мука мук моих. Мысль о том, что музыка эта мука мук поэты, обладает такой пронзительной болью, что, только успокоившись, при повторном чтении замечается странность ритмы "превозмогла = моя" (хотя дважды сказанное "мо" не случайно).

Наш автор понял рано, что вечный двигатель стиха — ясность, а не звучие. Вот строка, где, между прочим, перенос так непохож на переносы Цветаевой или Бродского:

Случилось так, что двадцати семи лет от роду мне выпала отрада жить в замкнутости дома и семьи, Расширенной прекрасным кругом сада.

Я стала вдруг здорова, как трава, Чиста душой, как прочие растения. Не более умиа, чем деревья. Не более жажда, чем дожденья. В этом стихотворении скрытно, но сильно чувство удаления от греха обывательной жизни и стремления к Создательской жизни безгрешной, как до рождения.

У Ахмадулиной мне близко понимание слова как синимона То го, Кто созидает, тем самым пририает наваждение зла — хаоса. Когда приходит слово,

Оно в устах звучит бездьявольство, Отвешный выдох — слышимый и велик. Лишь слово пощипает бред и хаос. И смертныи о бессмертье говорит. Если слагающий стихи — поэт, то мы, смертные, только потому ждем от него слова, что оно говорит нам о бессмертии.